

DOI: 10.15372/HSS20210213
УДК: 94:82–94(47)“1941/1945”

А.Н. КАБАЦКОВ

ОБРАЗЫ ДОВОЕННОГО СЧАСТЬЯ: ПО МАТЕРИАЛАМ ЛИЧНЫХ ДНЕВНИКОВ А.И. ДМИТРИЕВА

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
РФ, 614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15

На основании дневника рабочего одного из оборонных заводов А.И. Дмитриева выявляется многомерная связь между ситуацией в военном тылу (1941–1942 гг.), культурными паттернами и позитивной эмоциональной характеристикой довоенных досуговых практик в г. Москве. Атрибуты сытой и счастливой жизни, которыми автор дневника наполняет текст «Воспоминаний», олицетворяют ценности мирного времени. И хотя в дневниковых записях отсутствует формальное противопоставление довоенных благ голоду и жизненным проблемам первой военной зимы (1941/42 г.), по характеру общего массива дневниковых текстов за данные годы можно реконструировать данную оппозицию мирное – военное. Сплав идеологических установок, личностных эмоций и переживаний, выразившийся в форме текста «Воспоминания о довоенной Москве» позволяет А. Дмитриеву сконструировать идеализированный образ социализма. Иллюзорный мир прошлого в условиях Отечественной войны 1941–1945 гг. выполняет функции утопии, оппонирова повседневности военного времени, одновременно ориентируя и мотивируя на выживание самого А. Дмитриева.

Ключевые слова: 1941–1945, г. Молотов (Пермь), А.И. Дмитриев, воображаемое прошлое, счастье.

A.N. KABATSKOV

IMAGES OF PRE-WAR HAPPINESS: BASED ON A.I. DMITRIEV'S PERSONAL DIARIES

Perm State National Research University
15, Bukireva str., Perm, 614990, Russian Federation.

The article is based on an ego-document – a personal diary by A.I. Dmitriev, a worker of an aircraft factory in the city of Molotov (Perm), who regularly kept a diary since 1941. He told in detail about his own life, recorded his impressions of what was happening in his family, at the factory, in the country.

The study objective is to identify the relationship between cultural patterns and emotional representations in Dmitriev's diary. K. Girtz's concept was chosen as a methodological approach. According to K. Girtz's views, a person's culture organizes his emotional world and ways to express feelings.

A.I. Dmitriev's diary allows reconstructing the paradoxical reaction of a Soviet man to a military disaster. The theme of Moscow in the diary appeared in August 1941. Detailed entries of February–June, 1942 have been analyzed.

In Soviet culture, Moscow was a kind of earthly paradise: a symbol of victorious socialism, a promised land for Soviet citizens: food abundance, miracle machines, cultural people reminiscent of heroes from movies, a source of benefits for all Soviet people in an achievable historical perspective.

Pre-war Moscow was a culturally and technologically advanced city for A. Dmitriev. There was a lot of products in the shops. Soviet people lived happily in the city full of food. Analysis of the diary allows studying the work of the Soviet man's social imagination. The specific historical material shows how the personal experience of the diary's author is synthesized with the cultural and ideological attitudes of the authorities. The result is a unified, integral image of “ideal socialism” without war.

The image of happy days in Moscow was formed by the author of the diary under the influence of the military situation in 1941–1942.

A.I. Dmitriev, as well as his fellow citizens of Molotov, felt a constant need for food, clothing and shoes, heating of homes and industrial premises. In contrast to military life, A. Dmitriev described his stay in Moscow as a long holiday, the happiest time of his life. The image of happy days reproduced the mass values of Soviet citizens: leisure, plenty of food and alcohol, carefree life.

Key words: 1941–1945, city of Molotov, A.I. Dmitriev, imaginary past, happiness.

Андрей Николаевич Кабацков – канд. ист. наук, доцент, кафедра журналистики и массовых коммуникаций, Пермский государственный национальный исследовательский университет, e-mail: afsnik@gmail.com <https://orcid.org/0000-0002-9119-3930>.

Андрей Николаевич К. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Journalism and Mass Communications, Perm State National Research University.

ВВЕДЕНИЕ

В сентябре 1941 г., спустя почти три месяца после начала войны, уральский рабочий Александр Иванович Дмитриев записал в своем дневнике: «Мишка Королев опять уехал в командировку в г. Харьков. Вот хорошо, если бы послали меня тоже, хотя бы в Москву. <...> Но это только мечта!»¹ Москва стала объектом мечтаний не случайно. Александр Дмитриев встретил начало войны, находясь в Москве в командировке. Судя по дневниковым записям первых дней войны, он не сразу осознал масштабы происходящего. В первые месяцы войны его личная реакция на новую ситуацию носила достаточно смешанный характер. И вот спустя какое-то время Александр Дмитриев начинает оценивать масштабность военных перемен. Ему помогает в этом «диалог с самим собой» на страницах личного дневника. Эпицентром его рефлексивности, конструирования различных ситуаций «войны» и «не войны» стала серия записей 1941–1942 гг., объединенных общим нарративом «о Москве и той жизни».

Тема счастья рассматривается в контексте истории эмоций – сложного социокультурного феномена, коллективного по своему генезису и включающего синтез культурных установок и позитивных переживаний по поводу конкретной ситуации. Причем сама ситуация может переживаться прямо и непосредственно – либо в момент вхождения в нее, либо с временным лагом, когда прошлые события стали заново переосмысливаться. В дневнике А.И. Дмитриева мы имеем дело со вторым случаем. Рабочий оборонного завода, испытывавший на себе неурядицы военного быта, неуверенность в своем близком будущем, ностальгически вспоминает последние мирные дни, приписывая себе чувства, которые он вряд ли испытывал весной 1941 г., находясь в Москве. Этот город в записях А.И. Дмитриева становится символическим локусом счастливой жизни.

Целью предлагаемого в настоящей статье исследования является содержательная характеристика связи между культурными паттернами и эмоциональными репрезентациями в дневнике А.И. Дмитриева. Методологической установкой исследования выбрана концепция К. Гирца, согласно которой культура индивида организует его эмоциональный мир и способы выражения чувств [1].

Для советских людей Москва 1930-х гг. воплощала площадку, на которой возводится «город будущего». Перемены в Москве трактовались образом, по которому будет перекроена жизнь и в других городах. Представленные в идеологическом ракурсе до-

стижения – строительство выставочного комплекса ВДНХ и московский метрополитен – символизировали перспективы доступности благ и достижений для всех советских людей, поглощая, замещая и вытесняя из культурного поля наследие досоветского прошлого. Анализируя символический язык репрезентации власти в архитектурных проектах 1930-х гг., В. Папперный отмечал: «... уже к началу войны культура 2 ощущала себя наследницей всех традиций и итогом всех путей» [2, с. 49]. Обращение А. Дмитриева к сюжету воспоминаний о Москве – это фрейм коллективных представлений людей, выстраивающих образы мира по лекалам советской идеологии. Допустимость возможных обобщений и их границы определяются спецификой источника, на основе которого построено данное исследование. Речь идет о личном дневнике, который А.И. Дмитриев вел в годы войны.

**ЛИЧНЫЙ ДНЕВНИК КАК ДОКУМЕНТ ЭПОХИ:
ВЗГЛЯД ИНДИВИДА НА СЕБЯ И ДРУГИХ
ЧЕРЕЗ УСТАНОВКИ ПОВСЕДНЕВНОЙ КУЛЬТУРЫ**

Личный дневник как исторический источник относится к группе эго-документов. Специфика эго-документов заключается в репрезентации личностных оценок, суждений и отношений к происходящему в жизни людей. Живые свидетельства истории, как еще иногда называют эго-документы, включают помимо дневников также письма, мемуары, записки, фото и видеоматериалы неофициального происхождения. Существуют разные интерпретации вхождения эго-документов в научный арсенал гуманитарных наук. Филологическая традиция обращает внимание на «лингвистический поворот» в социологии, философии и истории в конце XX в., порожденный «переосмыслением в них роли языка, а в конечном итоге – с антропологизацией науки» [3, с.25]. В исторической дисциплине актуализацию ценности источников личного происхождения принято соотносить с трудами Жака Прессера о «третьем рейхе». Голландский историк обратил внимание, что для изучения и понимания событий Холокоста недостаточно официальных материалов. При помощи активного использования дневников, воспоминаний, писем и других источников личного происхождения в работе «Катастрофа. Преследование и уничтожение нидерландского еврейства, 1940–1945» он попытался передать читателю переживания конкретных людей, оказавшихся жертвами нацистского режима.

Впрочем, как отмечали последователи Ж. Прессера, его подходы далеко не сразу были приняты коллегами по историческому ремеслу: «Это было необычно для времени, когда нормой являлась «объективная» (на самом деле, позитивистски ориентированная. – А.К.) история, из-за чего прессеровский субъективизм воспринимался с большим недоверием» [4].

¹ Записки о жизни Дмитриева Александра // Пермский государственный архив социально-политической истории (ПермГАСПИ). Ф.6330. Оп.5 Д.10, запись 12.09.1941.

В отличие от европейской традиции, российский опыт обращения к эго-документам опирается на материалы преимущественно XIX–XX вв. Активнейшим образом использует письма, дневники и другие материалы личного происхождения А. Тесля. Он обращается к широкому кругу эго-материалов как к важнейшим источникам, проливающим свет на ход дискуссий, аргументацию участников или позволяющим реконструировать круг их общения (см. напр.: [5, 6, 7]). Можно утверждать, что без привлечения этого комплекса источников стал бы невозможен пересмотр советской версии истории российской общественной мысли.

Важную роль в пропаганде эго-документов как ценного исторического источника сыграли также Й. Хелльбек и Н. Суржикова. Й. Хелльбек монографией «Революция от первого лица: дневники сталинской эпохи» побудил российское научное сообщество к предметной дискуссии о большевистской субъектности и практике принятия сталинской идеологии за образец самоидентификации в социальном мире. Оставляя в стороне концептуальные тезисы Й. Хелльбека об источниках конструирования «советского человека», обратим внимание на его методологический источниковедческий радикализм. Основа его исследования – материалы нескольких личных дневников, в которых свидетели «большой истории» рассказывали о событиях, происходящих персонально с ними, делились переживаниями и субъективными оценками происходящего в их жизненном окружении. Дневник для Й. Хелльбека выступает полноправным историческим источником, который при использовании соответствующих компетенций историка позволяет дополнить официальный нарратив «Большой истории» [8].

Иной, но при этом весьма ценный вклад в популяризацию эго-документов внесла Н. Суржикова. Она вышла за рамки индивидуальной презентации эго-документов как источника, применимого в собственных исследованиях. В сборнике «История в эго-документах» она представила отечественному гуманитарному сообществу широкую палитру исследований, в которых актуальным и продуктивным является обращение к эго-документу как источнику [9, с.6–13].

Для отечественных исторических школ, которые развиваются в пространстве междисциплинарных исследований, легитимация теоретико-методологических постулатов, объединяющих концепцию «личного, субъективного мироощущения» и «обобществленное социальное пространство», выглядит особенно перспективной. Речь идет о возможности рассматривать материалы личного происхождения в качестве полноправного источника, характеризующего социальные сети, культуру, миропонимание отдельных

групп и сообществ прошлых эпох, признание права за ними быть субъектами социальной жизни, даже если статус самих групп (сообществ) не был маркирован официальным порядком. Такой подход существенно расширяет рамки исторических исследований, особенно для исследователей XX в., когда динамика социальной жизни заметно превосходит формализованный способ фиксации «следов и остатков прошлого» государственной бюрократической машиной.

А.И. ДМИТРИЕВ – ЧЕЛОВЕК ЭПОХИ СОВЕТСКОГО МОДЕРНА

Социальный портрет А. Дмитриева вполне типичен для молодого советского рабочего, практически сверстника «Великой Революции». Александр Дмитриев относится к поколению советских людей, получивших образование в советской школе. Он вырос в городском социуме, представленном смешанной культурной средой, объединяющей «лоскутки» различных традиций, где противопоставление деревенское/городское – лишь один из типовых маркеров социальных различий. Наш герой любил читать книги и газеты, пробовал писать стихи. Досуговые практики включали походы в кино и театр, регулярное посещение танцев, но не замыкались на общественных институциях. А. Дмитриев стремился быть «душой дружеской кампании», стараясь утвердить себя веселым «рубахой-парнем», способным и потанцевать, и спеть модную песню. Вполне возможно, что воспроизводство образа «весельчака и балагура» ориентировано на киноэталон, представленный в популярных кинолентах тех лет – «Веселые ребята», «Свинарка и пастух» и в других фильмах². В дневнике об этих фильмах не нашлось упоминаний, но имеются иные пояснения, демонстрирующие практику подражаний значимым литературным героям или кинообразам как эталонам социального поведения.

Личный дневник Александр Иванович Дмитриев начал вести в 1941 г. в возрасте 23 лет. Массив оставленных им дневниковых записей обширен. На протяжении войны и после нее он регулярно фиксировал все, что происходило в его жизни, описывал ситуации, свидетелем которых стал или о которых узнал, делился на страницах дневника с воображаемым читателем личными суждениями и оценками. Пол-

² А. Дмитриев регулярно сравнивает собственную жизнь с персонажами книг и кинофильмов. Типичный пример: «Правду писал когда-то писатель Салтыков-Щедрин, что “Россия – государство обширное, обильное и богатое, да человек-то глуп, мрет себе с голоду в обильном государстве”. Так вот и я. Сколько есть удобных случаев для обогащения, а я все ни один не могу использовать потому, что денег нет для первого оборота» (Записки о жизни Дмитриева Александра. ПермГАСПИ, Ф.6330. Оп.5. Д.12, запись от 8.04.1944).

ный архив его дневниковых записей охватывает более чем полувековой период. В настоящий момент обработаны и изданы дневники за 1941–1955 гг.³

В годы войны Александр Дмитриев трудился рабочим на военном заводе имени Сталина в г. Молотове (Перми). В 1942 г. он получил «бронь» от завода, как нужный для производства специалист. В описываемый период Дмитриев работал в испытательном цехе, проводил проверку и отладку отремонтированных авиадвигателей. Записей о работе в дневнике немного. Иногда он отмечал, что находил время и книгу почитать на работе, и поспать. Скупое упоминание об аварии, которая произошла в цехе, сделав акцент на то, как счастливо избежал проблем, поскольку все произошло в другую смену. Образование, техническая грамотность Дмитриева, его навыки работы со сложными механизмами позволяют считать его высококвалифицированным рабочим. В середине войны А. Дмитриев перешел в отдел технического контроля. Круг его обязанностей изменился. В личном дневнике он с гордостью упоминает об особом доверии, которым пользовался у военных представителей, принимавших продукцию завода.

Для современных людей, освоивших модернистскую версию культуры, даже в ее социалистической оболочке, важно соотнести собственное «Я» с миром «других», представленных соседями и приятелями, коллегами по работе и начальством. В дневнике уральского рабочего А. Дмитриева можно постоянно наблюдать референцию отношения к «другим». Иногда даже появляются воображаемые потомки, которым он сообщает о несуразностях повседневной жизни: «Правда, эти выборы помогли народу лишь только в том, что в наших магазинах ОРСа всем отоварили жиры за прошлые месяца ... ржаной мукой. Может быть, через несколько лет этот дневник попадет кому-нибудь в руки, и он посмеется над этой записью и скажет, что этого не могло быть. Но я еще раз пишу, что жиры действительно отоварили мукой»⁴. Перед нами вполне конкретное указание адресата, с которым А. Дмитриев выстраивает коммуникацию на страницах дневника. Образ потомка, который прочтет сделанные в 1945 г. записи, – лишь один из вариантов референтных «других», с которыми А. Дмитриев ведет специфический диалог через текст.

³ Издания выполнены в электронной форме, на CD-дисках. Такой формат позволил дополнить текст личных дневников А. Дмитриева подробными комментариями, аудио- и видеоматериалами. См.: Дневник рабочего VII.1941–VII.1944. Документальная публикация. /научн. рук. О.Л. Лейбович, Пермь, 2017. [Электронное издание]; Дневник рабочего III.1946–XII.1955. Документальная публикация /научн. рук. О.Л. Лейбович, Пермь, 2014. [Электронное издание].

⁴ Дневник рабочего III.1946–XII.1955. Документальная публикация. Пермь, 2014. [Электронное издание]. Запись 22.04.1945.

Для нас важно, что такое обращение в явном виде проясняет характер диалога. Это не только рефлексивный разговор с самим собой, но и презентация своего «Я» значимым другим, т. е. социальная коммуникация, которую автор записей проводит столь специфическим образом, как «ведение дневника». А значит, понятия и категории, смысловые аллюзии и презентации, мораль и ценностные суждения, высказываемые на страницах этого документа, вполне репрезентативно маркируют коллективные представления людей той эпохи, разделявших ключевые ценности и ориентиры советской культуры.

ОБРАЗ ВОЕННОГО МИРА В ДНЕВНИКЕ А.И. ДМИТРИЕВА

Дневник демонстрирует несколько этапов «привыкания» А. Дмитриева к реальностям военного времени. Первые реакции он демонстрирует летом 1941 г., когда в стране вводится карточное распределение продуктов. Для советского человека – такое решение властей выглядело «шагом назад» в системе достижений социализма, возвратом к сложным временам голода первой половины 1930-х гг.

Замечания А. Дмитриева о возвращении к жестким регламентам по выдаче хлеба дополняются фронтовыми сводками: «Карточная система на хлеб оказалась не сном, а явью: с сегодняшнего дня хлеб продается только по карточкам. Наша семья получает в день 2,4 кг хлеба. Будет ли нам это[го] хватать, и это, наверное, затянется надолго. С фронта войны идут очень неприятные известия. За последние дни сданы города Первомайск, Кировоград, Николаев, Кривой Рог, Кингисепп и другие»⁵. Для А. Дмитриева эти элементы общей картины военной катастрофы, разрушения повседневного уклада жизни помещаются в общий контекст военной катастрофы первого года войны.

Следующим сигналом о масштабах ожидаемых потрясений стали проблемы в системе снабжения на заводе. Завод для А. Дмитриева – это ключевой институт, организующий повседневность. Советский завод – заметно больше, чем просто производственная площадка, куда приходили трудиться для зарабатывания денег. Завод определял ритм социальной жизни рабочих, регулируя распределение времени между свободой и занятостью. Для А. Дмитриева нормы заводской жизни задавали также ориентиры социального успеха. В условиях войны, став центром распределения продуктов по карточкам, завод приобрел черты тотального социального института, влияя на все траектории социального поведения нашего героя. Мож-

⁵ Записки о жизни Дмитриева Александра // ПермГАСПИ, Ф.6330. Оп.5. Д.10. Запись от 20.08.1941.

но сказать, что завод для А. Дмитриева стал более значим, чем семейный институт.

Проблемы с продуктами в системе заводского снабжения – это серьезный вызов для жизненного уклада А. Дмитриева: «В цехе больше одного обеда не получишь. А дома опять хлеба мало. В городе почему-то стали большие очереди за хлебом. Хлеб достается с трудом»⁶. Семейные практики приспособления к продуктовому кризису не привлекательны для А. Дмитриева. Они требуют признать собственную беспомощность, отказаться от собственной идентичности «самостоятельного и взрослого человека» и подчиниться отчиму, работающему на овощной базе. Формальные требования звучат как «отдать карточки в семейный котел», но А. Дмитриев старается избежать этого шага, пока есть какой-нибудь шанс использовать собственные ресурсы.

К весне 1942 г. вторжение войны в структуру повседневной жизни уже сложно игнорировать. А. Дмитриев производит символическую кодировку «новой темпоральности», прибегая к модели сравнения двух эпох – переживаемой «здесь и сейчас» и воображаемого уклада жизни «как все было до войны». Социальное конструирование различий он осуществляет в виде серии воспоминаний о своем первом посещении Москвы в феврале 1941 г.

ОБРАЗ МОСКВЫ В ВОСПОМИНАНИЯХ А.И. ДМИТРИЕВА

Нарратив о Москве представлял собой смешение реальных воспоминаний, идеологических установок, социальных иллюзий и компенсаторных мечтаний о мире, ушедшем в недостижимое прошлое.

В феврале 1941 г. его отправили в служебную командировку в столицу вместе с шестью коллегами. Спустя год, 16 февраля 1942 г., А. Дмитриев записал в дневнике: «С сегодняшнего дня начинаю писать “Воспоминания о веселых днях моей жизни”, т. е. о днях, проведенных в г. Москве...»⁷.

Основной лейтмотив «воспоминаний о Москве» определила ключевая проблема военного времени – дефицит продуктов. Рассказ Александра Ивановича начался с символической переоценки социальной девиации – пьянства. Он подробно повествует о том, как провел время в поезде, когда ехал в Москву и резюмировал: «У меня было с собой вино <...> и я почти всю дорогу был пьян»⁸.

Можно сразу отметить, что завершались воспоминания о счастливых днях в Москве весной 1941 г. почти так же, как и начинались, – рассказом о том, как он с друзьями пил в поезде: «И как только отъеха-

ли от Москвы, сразу же началась пьянка. Пили почти всю дорогу. Издержали все оставшиеся деньги. В Молотов я приехал только лишь с 1 рублем, да и тот издержал на трамвай»⁹.

Доступность еды и спиртных напитков приобрела особую ценность в этих воспоминаниях. При помощи частых и подробных гастрономических экскурсов А. Дмитриев создавал основную рамку ностальгического нарратива: «Всего там вдоволь, что хочешь, то и бери. Обедал в заводском кафетерии. И, как обычно, всегда перед обедом и после [н]его выпивал по кружечке пива. Да еще кроме этого все время пил»¹⁰. В этом мире нет места голоду, дефициту, проблемам снабжения – и этим он оппонирует военному времени.

В 1942 г. алкоголь стал одним из основных дефицитов военного времени, и воспоминания о его доступности, гипертрофированные и преувеличенные, номинировали символическую оппозицию двух социальных времен – военного времени и довоенной жизни: «Во многих кино буфет устроен так: на столиках поставлено пиво и разные бутерброды, конфеты, яблоки. Сядишь за столик, пьешь, ешь, а потом подходит официантка, и ты с ней за все, что не хватает на столе, расплачиваешься. Удобно и хорошо, в очередь никогда не стоишь. А когда я ездил к Нине, то всегда перед встречей заезжал в “Кафе”, а оно от них находится через дом, и выпивал там для веселья 100 грамм и бутылочку пива. Это тоже было неплохо»¹¹.

Реалистичность воспоминаний воссоздавалась нашим героем при помощи мелких деталей, конкретных сведений о произошедшем. Для описания начала поездки таковым стало упоминание точного адреса, где ему удалось устроиться для проживания: «...Поселился на частной квартире, где жили наши ребята, уехавшие туда раньше нас. Мой московский адрес был такой: Москва-118, 1-й Кирпичный переулок, дом № 18, кв. 1»¹².

Александр Дмитриев воссоздавал социальную реальность довоенной столицы по лекалам рационально организованного городского пространства. Рассказывая о себе, как он освоился в «большом городе», он описывал фактически ролевые модели социализированного советского гражданина, способного следовать правилам, которые помогают ориентироваться в любых обстоятельствах. Пояснил, что сразу же купил справочник «Осмотр г. Москвы» и внимательно его изучил, отметив попутно «От центра живу все же далеко» Не забыл позитивно оценить

⁶ Там же. Запись от 5.01.1942.

⁷ Там же. Запись от 16.02.1942.

⁸ Там же.

⁹ Там же. Запись от 13.03.1942.

¹⁰ Там же. Запись от 16.02.1942.

¹¹ Там же. Запись от 23.02.1942.

¹² Там же. Запись от 16.02.1942.

приветливость хозяев съемной квартиры, в привычном стиле сфокусировал свое внимание на женских образах: «У хозяйки хорошенькая дочка Верочка. Мы ее все официально зовем Вера Михайловна, но она девушка очень общительная и простая».

Резюмирующим стало утверждение о собственной компетентности в столичном пространстве: «По Москве я ориентируюсь вполне свободно. – Автор усиленно подчеркивает личную независимость в освоении столичных практик. – В город я ездил всегда больше один и очень редко с кем-нибудь из ребят»¹³. На страницах дневника А. Дмитриев старался всячески продемонстрировать, что в Москве он – отнюдь не приезжий из глухой провинции. Он стремится описать собственный опыт как пример, образец поведения грамотного и культурного городского жителя. Посещения музеев, театров или кинотеатров, которые он подробно перечисляет в тексте воспоминаний, должны были подтвердить его право ощущать себя полноправным горожанином. «Я за период пребывания в Москве, – скрупулезно перечисляет он все культурные институции, – посетил:

- «1. Музей Ленина;
2. Исторический музей;
3. Мавзолей Ленина;
4. Театр «Ромэн»;
5. Театр эстрады и миниатюр;
6. Колонный зал Дома союзов;
7. Центральный цирк;
8. Рестораны: «Метрополь», «Гранд-отель» и целый ряд мелких рестораничек;
9. Кинотеатры: «Родина», «Форум», «Экспресс», «Центральный детский», «Востоккино», «Центральный», «Москва»;
10. Третьяковскую галерею»¹⁴.

Особым достижением стало упоминание о том, что в Третьяковской галерее он увидел знаменитых артистов – Ивана Москвина и Аллу Тарасову. Для него это важное статусное событие, так как позволило подчеркнуть приобщение к культурным достижениям, доступным известным и популярным людям.

Особые впечатления на него произвело стереокино. Привычным языком Дмитриев сделал попытку воспроизвести восторг и удивление, которые пережил, посмотрев в кинотеатре «Москва» демонстрационный фильм со стереоэффектами: «Да, техника кино сильно возросла. Сидишь в кино, а у тебя над головой рыбки плавают, птицы летают, прямо из экрана выставился сук и на нем сидят птицы. Или артистка с экрана бросает вам букет цветов, а потом этот букет летит обратно. И все это видишь своими

глазами и ощущаешь их объем и окраску». И как советский человек, уверенный в доступности технических достижений для всех граждан страны, он резюмировал: «И уже недалек тот час, когда мы будем смотреть это кино и у себя в г. Молотове»¹⁵.

Впрочем, этот советский идеологический канон он добросовестно воспроизводил в стилистике официальной пропаганды советских достижений 1930-х гг., подчеркивая неизбежное распространение технических и культурных новаций по всей стране. В реконструкции воспоминаний особенно сильно проявилась его самоидентификация в социалистической культуре довоенной эпохи. Идеологические штампы, суждения и оценки, которые он ретранслирует, заимствованы из советской литературы, кинофильмов и прессы.

Следует обратить внимание еще на два элемента «воспоминаний о Москве», которые согласуются с общим стилем ведения записей нашим героем. Речь идет о его поведении в дружеской кампании и происшествиях, в которых он оказывается участником.

Рассказ о праздновании 8 марта 1942 г., он дополняет подробностями о том, как провел этот день год назад в столице среди москвичей. Домашняя пирушка, которую он описывает как веселое и сытное времяпрепровождение, дополняется комментариями, подчеркивающими его умение быть заводилой вечеринки. Он отмечает не только способность пить больше, чем москвичи, веселиться и танцевать лучше других, но и старается выделить личные компетенции: «Большой успех я там заимел, когда спел им “Синий платочек”. Они эту песенку знали не всю и почти все ее у меня переписали»¹⁶. В этом же стиле, подчеркивая способность быть «душой кампании», он позже будет делать записи о вечеринках и праздниках в 1942–1944 гг.

Из прочитанных книг А. Дмитриев неосознанно заимствует приемы конструирования образа успеха. Он использует методику контраста. Вначале, до рассказа о роли «рубахи парня, он описывает казус, который с ним произошел: «Я хотел завести патефон, но оказалось, что он электрический. А я хотя и видел их, но никогда сам в ход не пускал. Включил это я вилку в штепсель – патефон не работает. Давай искать у него какой-нибудь включатель или кнопку – ничего нет. В общем, я так и не привел его в действие, а тут и Надя вернулась. Она, конечно, спросила, понравилась ли пластинка. Я ответил, что да, а сам еще и не слушал. Чтобы не попасть в глупое положение, я отошел к зеркалу, а она пустила патефон в ход. Ну, я, конечно, в зеркало заметил, как все это делается и в дальнейшем крутил патефон сам. А заводится он

¹³ Записки о жизни Дмитриева Александра // ПермГАСПИ, Ф.6330. Оп.5. Д.10. Запись от 16.02.1942.

¹⁴ Там же. Запись от 23.02.1942.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. Запись от 8.03.1942.

просто – надо крутить пластинку по ходу до тех пор, пока в патефоне не совпадут магнитные поля. Простая штука, а я из-за нее чуть было сам себя не скомпрометировал»¹⁷. Такой технический прием неоднократно использовался в советской литературе 1930-х гг., где небольшой казус с главным героем в начале произведения мотивировал потом его на социальную активность и помогал добиться успеха. А. Дмитриев много читал и был хорошо знаком с такой фабулой повествования «о героях».

Немного в иной стилистике были представлены А. Дмитриевым происшествия, которые происходили с ним помимо его воли и желания. Речь идет о столкновении с представителями власти. В Москве это был «случай в Мосторге». Для нормализации происходящего он сразу ссылается на прототип событий, описанный в советской литературе: «Перед самым отъездом в Москву я прочел рассказ “Дело №” Лидина о том, как там ловят в магазинах мелких воришек». Прогуливаясь по большому универмагу, А. Дмитриев привлек внимание работника московского уголовного розыска, стремящегося распознать воришек в магазине. Внешний вид, праздное бесцельное поведение показались работнику угрозыска подозрительными, и он задержал на выходе Александра Ивановича, проверил его документы. Для самого героя – это скорее забавное происшествие, оттеняющее его приключения в Москве. У А. Дмитриева нет сомнения в правильности собственного поведения. Документы, которые он дисциплинированно носит с собой, штамп московской прописки, о котором упоминает, – показывают его приверженность формальным практикам, обязательным для советских граждан. Подчинение официальным дисциплинарным нормам, согласно которым следовало зарегистрироваться по месту жительства (прописка) в соответствующих инстанциях, даже если оказался в столице на короткий срок, он не описывал в своем дневнике. Для него это рутинная повседневность существования в социалистическом обществе. Тем не менее он считает необходимым подчеркнуть собственную предусмотрительность и готовность к неожиданностям в отношениях с властью: «Хорошо еще, что у меня документы были с собой, а то сиди бы я в МУРе¹⁸ до выяснения моей личности»¹⁹.

Для А. Дмитриева важно вписать себя в реконструируемую им социальную реальность в качестве успешного и современного человека, способного покорить своим обаянием всех, с кем доведется общаться.

¹⁷ Записки о жизни Дмитриева Александра // ПермГАСПИ, Ф.6330. Оп.5. Д.10. Запись от 8.03.1942.

¹⁸ МУР – Московский уголовный розыск.

¹⁹ Там же. Запись от 11.03.1942.

ВЫВОДЫ

Образ счастливых дней в Москве сложился у автора дневника под воздействием военной ситуации 1941–1942 гг. А.И. Дмитриев, как и другие молотовские сограждане, испытывал постоянную нужду в продовольствии, в одежде и обуви, в отоплении жилищ и производственных помещений. Режим труда на производстве стал более напряженным и интенсивным: увеличилась продолжительность рабочих смен, были отменены отпуска и выходные дни. Кроме того, рабочих привлекали к военному всеобучу – маршам и хождению строем после 12-часового рабочего дня. В рабочей среде обсуждалась угроза немецкой оккупации г. Молотова.

Именно эти условия повседневной жизни порождали ностальгию по ушедшим мирным временам, пробуждали сильные положительные эмоции в отношении довоенного мира. Для А.И. Дмитриева эти переживания были локализованы применительно к довоенной Москве.

В советской культуре Москва была чем-то вроде земного рая, символом победившего социализма, обетованной землей для советских граждан: здесь продуктивное изобилие, чудо-машины, культурные люди, напоминавшие героев из кинофильмов, источник благ для всего советского народа в достижимой исторической перспективе.

В повседневной культуре советского рабочего тема продуктивного изобилия была неоспоримой ценностью, признанной и официальной культурой²⁰. Обильный обед был праздничным событием, что легитимировало употребление алкогольных напитков («Нашлась бы и чарка»).

Наложение культурных предубеждений на военную ситуацию и создало ощущение утраченного счастья. Весенние дни в Москве переживались А.И. Дмитриевым как непрерывный праздник, контрастирующий по отношению к тыловым будням.

Когда А. Дмитриеву удалось выстроить стратегию индивидуальной адаптации к реалиям войны, он будет неоднократно воспроизводить модели описания успеха, которые обозначил в воспоминаниях в качестве довоенного образца. Символический перенос образов «довоенного счастья» на происходящее в военной повседневности станет для него компенсаторной стратегией приспособления к тяготам войны.

²⁰ В популярной песне 1937 г. «Будьте здоровы, живите богато» звучало:

Чтоб на поле жито дружной колосилось,
Чтоб сало в кладовке все время водилось,
Чтоб в печке горячей шипела бы шкварка,
А к ней, если надо, нашлась бы и чарка.

(М. Исаковский)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гирц К. Интерпретация культур. М.: РОССПЭН, 2004. 560 с.
2. Папперный В. Культура Два. М., 1996. 384 с.
3. Филатова Н.М. Подходы к изучению эго-документов в современной исторической науке в свете «лингвистического поворота» // Документ и «документальное» в славянских культурах: между подлинным и мнимым. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2018. С. 24–40. DOI 10.31168/0402-2
4. Бaggerman А., Деккер Р. Жак Прессер и традиция еврейской автобиографии в Нидерландах // Неприкосновенный запас. 2019. №2 (124). С. 238–256. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/neprikosnovennyy_zapas//124_nz_2_2019/article/21207/ (дата обращения: 11.04.2021).
5. Тесля А.А. «Последний из отцов»: биография Ивана Аксакова. От славянофильства к панславянству. СПб.: Владимир Даль, 2015. 800 с.
6. Тесля А.А. Русские беседы: лица и ситуации. М.: Изд-во «Панглосс», 2017. 512 с.
7. Тесля А.А. «Истинно русские люди»: история русского национализма. М.: Изд-во «Панглосс», 2019. 319 с.
8. Хелльбек Й. Революция от первого лица: дневники сталинской эпохи. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 424 с.
9. Суржикова Н.В. Эго-документы: интеллектуальная мода или осознанная необходимость. // История в эго-документах: Исследования и источники / под ред. Н.В. Суржиковой. Екатеринбург: Изд-во «АсПУр», 2014. С. 6–13.

REFERENCES

1. Girts K. Interpretation of cultures. Moscow, ROSSPEN, 2004, 560 p. (In Russ.)
2. Papperny V. Culture Two. Moscow, New Lit. Rem., 1996, 384 p. (In Russ.)
3. Filatova N.M. Approaches to study ego documents in modern historical science in the light of the «linguistic turn». *Dokument i «dokumental'noye» v slavyanskikh kul'turakh: mezhdru podlinnym i mniym.* Moscow, 2018, pp. 24–40. DOI 10.31168/0402-2. (In Russ.)
4. Baggerman A., Dekker R. Jacques Presser and the tradition of Jewish autobiography in the Netherlands. *Neprikosnovennyy zapas*, 2019, no. 2, pp. 238–256. (In Russ.)
5. Teslya A.A. «The Last of the Fathers»: biography of Ivan Aksakov. From Slavophilism to Pan-Slavism. Saint Petersburg, Vladimir Dal', 2015, 800 p. (In Russ.)
6. Teslya A.A. Russian conversations: faces and situations. Moscow, Pangloss, 2017, 512 p. (In Russ.)
7. Teslya A.A. «Truly Russian people»: the history of Russian nationalism. Moscow, Pangloss, 2019, 319 p. (In Russ.)
8. Hell'bek J. Revolution in the first person: diaries of the Stalinist era. Moscow, New Lit. Rev., 2017, 424 p. (In Russ.)
9. Surzhikova N.V. Ego documents: Intellectual fashion or conscious necessity. *Istoriya v ego-dokumentakh: issledovaniya i istochniki.* Ekaterinburg, 2014, pp. 6–13. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 01.03.2021

Дата рецензирования 07.03.2021

Статья принята к публикации 11.04.2021